

**УТОПИЯ ИЛИ МИСТИФИКАЦИЯ? (ПЕРЕЛИСТЫВАЯ СТРАНИЦЫ
«ГЕОГРАФИЧЕСКОГО И ИСТОРИЧЕСКОГО ОПИСАНИЯ ОСТРОВА ФОРМОЗЫ»
ДЖОРДЖА ПСАЛМАНААЗАРА, 1704)**

*Работа представлена кафедрой новой и новейшей истории
Московского педагогического государственного университета*

Статья посвящена роману «Географическое и историческое описание острова Формозы» Джорджа Псалманаазара. Характеризуя жизненный путь автора и его личность, анализируя его социальные, политические, экономические, религиозно-философские воззрения, автор статьи пытается ответить на вопросы: насколько «Описание Формозы» соответствует современным представлениям о характерных чертах классических социальных утопий, каковы его идейные истоки и жанровые особенности?

Ключевые слова: Великие географические открытия, Англия, XVIII в., литература, утопия.

I. Erlikhson

**UTOPIA OR MYSTIFICATION? (TURNING OVER THE PAGES
OF “THE HISTORICAL AND GEOGRAPHICAL DESCRIPTION OF FORMOSA”
(1704) BY G. PSAMANAAZAR)**

The article is devoted to the novel “The historical and geographical description of Formosa” by G. Psamanaazar. Characterising the biography and personal qualities of the author, analysing his social, political, economic, religious and philosophical views, the author of the article studies to what extent the novel corresponds with the contemporary notions about classical social utopia features, what its background and genre peculiarities are.

Key words: Age of Discovery, England, 18th century, literature, utopia.

Великие географические открытия раздвинули границы замкнутого мира Средневековья, который уступил место безграничному, постоянно расширяющемуся пространству эпохи Возрождения и Нового времени. Общественное бытие стало неразрывно связано с познанием новых неизведанных стран и территорий. В эссе «О путешествии» Фрэнсис Бэкон отмечал, что «путешествие – это часть образования и составляющая опыта» и перечислял то, на что должен обращать внимание настоящий путешественник, оказавшийся в чужой стране [2, с. 374]. В длинный перечень входили: особенности политического и экономического уклада, церкви, памятники, библиотеки и сады, рынки и морские порты, обычаи и традиции. Известный

политический мыслитель XVII в. Джеймс Гаррингтон утверждал, что «ни один человек не станет политиком, пока он не стал историком или путешественником» [8, р. 310]. Джон Локк настоятельно советовал всем джентльменам изучать историю, географию и читать книги, где описываются путешествия, а Уильям Темпл полагал, что посредством чтения литературы о путешествиях можно постичь общечеловеческие моральные ценности.

Эра Великих географических открытий, ведущая отсчет с эпохи позднего Ренессанса, продолжалась на протяжении XVII–XVIII вв., когда открывались, заселялись и исследовались новые территории во всех уголках планеты. «Между 1660 и 1800 гг. не прекраща-

лись конфликты между Англией и Францией, и даже когда молчали пушки, две великие нации оттачивали орудия обоюдной вражды в холодной войне за территории в бассейне Тихого океана и западного полушария, в научных экспедициях в Арктику, в акваторию Австралии и в страну великих пирамид. Этот век породил с дюжину Дампьеров, Энсонов, Берингов, Лаперузов и Куков, сорвавших покров таинственности с бескрайнего и пугающего морского пространства. Это было время постоянного передвижения людей и идей, золотой век для путешественников как настоящих, так и вымышленных» [1, р. 6–8]. Никакая другая эпоха не собрала такого богатого урожая литературы, так или иначе связанной с путешествиями: путевых дневников, географических описаний, приключенческих и утопических романов о вымышленных или реально существующих странах. Стать путешественником или прослыть таковым – превратилось в один из способов прославиться и поправить финансовое положение, чем зачастую пользовались многие изобретательные авантюристы. На головы европейцев обрушился целый шквал фантастических и нелепых рассказов о неведомых странах. Так, в «Описании Луизианы» (1671) сообщалось, что Ниагарский водопад достигает 500 футов в высоту, в «Шестнадцати письмах» известного французского путешественника барона де Лаонтана тот же водопад вырос до 700 футов, когда на самом деле его высота равнялась приблизительно 200 футам. Некий француз пытался уверить читателей, что в Америке он видел двух близнецов – белого и чернокожего, зачатых одной женщиной от двух разных мужчин, и восторгался неким таинственным луизианским растением, сок которого позволяет индейцам жить более 100 лет [1, р. 11].

Но людей, придумывавших истории о путешествиях, трудно было назвать банальными лгунами, ведь давая волю воображению, они вольно или невольно становились творцами и создавали вымышленный мир, заполняя, с легкой руки Томаса Мора, неизведанные территории в соответствии со своими политическими, религиозными, этическими взглядами и убеждениями. Их про-

изведения были предметом неослабевающего интереса читателей, и их имена, пусть ненадолго, но попадали в эпицентр общественного внимания. На рубеже XVII–XVIII вв. произведения, балансирующие на границах жанров приключенческого романа, утопии, путевого дневника и географического очерка, были чрезвычайно востребованы читательской аудиторией. Во Франции это «История севарамбов» Дени Вераса д'Алле (1675), «Приключения Жака Садьера или Южная земля» Габриэля де Фойни (1676), «История Калегавы» Клода Гилберта (1700); в Голландии – «Королевство Кринке Кесмес» Хендрика Смикса (1708), а в Англии – «Остров Пайна» Генри Невилля (1668), «Приключения Робинзона Крузо» (1719), «Жизнь и приключения знаменитого капитана Сингльтона» (1720), «Новое путешествие вокруг света» (1724) Даниэля Дефо. Конечно, в большинстве произведений такого жанра приключенческая фабула, как правило, маскировала более глубокую идейную нагрузку, но были и такие, чья содержательная направленность вызвала споры современников и более поздних исследователей. Одним из таких произведений, которые не укладывались в рамки одного литературного жанра, было «Географическое и историческое описание острова Формозы*» (1704), принадлежащее перу человека, называвшего себя Джорджем Псалманаазаром. Едва выйдя из печати, его книга произвела настоящий фурор, ее воспринимали как серьезный исторический и географический источник, а с самим автором на равных общались известнейшие люди XVIII в. В конце XX в. профессор Грегори Клейз включил «Описание Формозы» в список утопий эпохи Просвещения [9, р. XXIX], но в то же время самого автора называли одним из самых талантливых авантюристов XVIII столетия. Для того чтобы понять, что же на самом деле представляло собой это произведение, необходимо не только проанализировать его текст, но и охарактеризовать личность самого автора, чей жизненный путь органично вписывался в эту бурную противоречивую эпоху.

Человек, вошедший в историю под псевдонимом Джорджа Псалманаазара (его

настоящее имя неизвестно) родился в 1679 г. на юге Франции в Лангедоке. С 6 лет он посещал свободную школу, находившуюся в ведении двух монахов-францисканцев, затем поступил в иезуитский колледж, а завершил образование в университете, изучая курс теологии. С ранних лет он проявил незаурядные способности к языкам, особенно преуспев в изучении греческого и латыни. Лекции по богословию вызывали у Джорджа, человека в высшей степени энергичного и любознательного, только скуку, и потому учебные часы он проводил на таивших множество соблазнов городских улицах, пока его мать, потеряв терпение, не нашла ему место воспитателя в богатом доме. Не сумев ничему научить своего и без того не отличавшегося талантами подопечного, Джордж продолжил педагогическую деятельность в другом доме, хозяйкой которого была «очаровательной и веселой леди», а хозяин – полной противоположностью своей жизнерадостной супруге. Как впоследствии признавался Псалманаазар в своих мемуарах, он «старался потакать милой даме в ее маленьких слабостях», не слишком утруждая себя непосредственными обязанностями, что, по-видимому, и стало причиной увольнения [5, p. 801].

Оказавшись на улице, он решил, что прежде чем возвращаться к матери, надо собрать немного денег, для чего придумал следующую мистификацию. Джордж начал выдавать себя за ирландского студента, покинувшего родину из-за религиозных гонений и совершавшего паломничество в Рим. Чтобы придать своей истории убедительность, он облачился в предусмотрительно украденный им у какого-то рассеянного пилигрима плащ и практически поселился в церкви, рассказывая о своей тяжелой судьбе всем тем, кто имел неосторожность обратить на него внимание и вскоре скопил необходимую сумму. Как и следовало ожидать, мать, сытая по горло выходками сына, оказала ему довольно холодный прием, порекомендовав навестить отца, жившего в одном из городов Германии. Следуя ее совету, Джордж прошагал несколько тысяч миль по дорогам Германии, Нидерландов, Бельгии и Люксембурга, но, найдя отца, увидел, что тот пребывает в

еще более плачевном состоянии, чем он сам. Однако именно во время этого путешествия ему в голову пришла мысль представиться выходцем с Дальнего Востока. И хотя познания Джорджа о Японии и окружающих ее территориях ограничивались скудными сведениями, полученными от иезуитов, он с самонадеянностью 16-летнего юнца считал себя достаточно компетентным для того, чтобы выдавать себя за японца, обращенного в христианство. Он избавился от ставшего ненужным старого паспорта, сделал новый на имя «салманаазар», и везде, где бы он ни оказывался (даже в тюрьме г. Ландау, куда его поместили, приняв за шпиона) не отказывался от своей легенды. Впрочем, при взгляде на истощенного юношу, из-под жалких лохмотьев которого выглядывало расчесанное из-за укусов паразитов тело, у чиновников пропадало всякое желание проверять его документы.

Когда Джордж добрался до Льежа, он был настолько доведен до отчаяния бесконечными лишениями, что решил поступить на военную службу. И ему неожиданно улыбнулась удача: проникшийся дружеской симпатией офицер-вербовщик забрал его в Экс-ла-Шапель** и устроил управляющим кофейней и бильярдным салоном. Еще несколько смен мест работы и молодой новобранец оказывается в полку герцога Макленбургского, где в среде солдат, преимущественно лютеран, наконец, находит доверчивую аудиторию, готовую внимать его фантастическим рассказам. «Моя дерзость возросла настолько, что я разрисовал блокнот изображениями солнца, луны, звезд и прочими навеянными моей фантазией фигурами, оставшиеся страницы заполнил стихами, и, уставившись в него, нараспев бормотал эту табарабрину» [5, p. 803].

В конце 1702 г. полк был расквартирован в Слейсе, где эксцентричное поведение Джорджа привлекло внимание губернатора города генерала Джорджа Лаудера, устроившего ему проверку в присутствии офицеров и духовных лиц. Талантливый и красноречивый аферист убедил в подлинности своего происхождения практически всех, за исключением Уильяма Инна. Скромный капеллан

шотландского полка уступал Джорджу в богатстве воображения, но, в отличие от него, знал, как извлечь из него максимальную выгоду и славу. В докладе лондонскому архиепископу Генри Комптону он изобразил Джорджа как уроженца острова Формозы, и во многом благодаря усилиям Инна в Англии, самозванцу был оказан более чем радужный прием. Даже его внешность (он был натуральным блондином) не вызвала сомнений относительно его происхождения, так как он объяснил, что большую часть времени он проводил в помещении, что позволило ему сохранить кожу молочно-белой, а волосы – светло-русыми. Он с великолепной уверенностью играл свою роль, что позволило ему значительно увеличить число своих сторонников. После двух месяцев пребывания в Лондоне Джордж выдержал серьезную проверку: ему поручили перевести катехизис с латыни на язык острова Формоза. Джордж блестяще справился с заданием, и епископ Комптон отправил его в Оксфорд, чтобы он обучал языку будущих миссионеров. Вдохновленный успехом, Уильям Инн снабдил своего подопечного трактатом «Описание Японии» Бернхарда Варениуса*** и велел написать аналогичную историю острова Формоза. Джордж сделал это за два месяца, не особо заботясь о достоверности, которую он с лихвой компенсировал великолепным апломбом. Когда французский иезуит отец Фонтаней, будучи проездом в Лондоне, познакомился с Джорджем и заподозрил обман, тот, не потеряв присутствия духа, встретился с недоверчивым священником в Лондонском королевском обществе и оправдал себя по всем пунктам обвинения. В пользу Джорджа в глазах общественного мнения служило еще и то обстоятельство, что он вел исключительно добродетельный и умеренный образ жизни. Он не употреблял алкоголь, питался преимущественно фруктами и овощами, изредка заедая их сырым мясом, и, главное, не был замечен ни в одной компрометирующей связи, хотя обаятельный «дикарь» вызвал неподдельный, и отнюдь не этнографический, интерес великосветских дам.

«Историческое и географическое описание Формозы» вышло в свет в 1704 г. с по-

священием Лондонскому архиепископу Генри Комптону. Любопытно, что изначально книга была написана на латыни, которой Джордж владел в совершенстве, и переведена на английский неким мистером Освальдом. Меньше чем через год «Описание Формозы» с незначительными изменениями было переиздано, что свидетельствовало об успехе книги, хотя сам автор в совокупности получил лишь 22 фунта: 10 – за первое издание и 12 – за второе. Позже книга была переиздана во Франции и в Германии, но там ее встретили не так восторженно, как в Англии. Это стало первым тревожным сигналом для Джорджа, который к тому времени остался в одиночестве: его компаньон Уильям Инн уехал, получив должность главного полкового священника английских вооруженных сил в Португалии. Джордж, скорее всего, прекрасно осознавал, что Инн использовал его как трамплин для карьерного роста, и в своих мемуарах выразил радость по поводу того, что «это жалкое никчемное существо покинуло страну» [5, р. 804]. Так или иначе, но отъезд Инна дурно сказался на репутации Джорджа, пошатнувшейся под возрастающим градом подозрений, насмешек и критики.

Финансовые дела Джорджа вновь расстроились, и чтобы выбраться из долгов, он затеял финансовую аферу, рекламируя так называемую «белую японскую краску», но прогорел и был вынужден вернуться к уже забытой профессии воспитателя. Однако учительский труд оплачивался так низко, что в 1715 г. он с радостью занял предложенную ему должность клерка в драгунском полку в Ланкашире и сблизился там с одним из майоров, который придумал ему прозвище «Сэр Джордж» и распустил слухи о том, что он посвящен в рыцари королевой Анной. Джорджу так понравилась эта идея, что он начал уверять окружающих, что эта честь оказана ему вполне заслуженно, так как он родом из древнего аристократического рода Формозы, но когда полк откомандировали в Ирландию, новоявленному «аристократу» вновь пришлось вновь искать средства к существованию.

После череды неудач Джордж решил заняться тем, в чем он был по настоящему та-

лантлив: теологией, языками и историей. В 30–40-х гг. XVIII в. совместно с Арчибальдом Боуэном**** он создает 20-томную «Всеобщую историю». Его неутомимому перу принадлежали разделы: «История иудеев от Авраама», «История кельтов и скифов», «Древняя история Греции», «История древних испанцев», «О галлах», «О древних германцах», «История Фив и Коринфа», «Продолжение истории иудеев от разрушения Иерусалима и до наших дней». В 1747 г. он принял участие в написании «Полной системы географии» Боуэна, который на страницах книги выразил благодарность своему соавтору и, что любопытнее всего, оценил его «Описание Формозы» как один из самых ценных источников по истории Дальнего Востока.

Последние годы жизни Джорджа Псалманаазара, в отличие от его беспокойной юности, прошли тихо и безмятежно. Он скончался 3 мая 1763 г. в возрасте 84 лет. Высоко оценивал Псалманаазара Самуэль Джонсон*****. Они были добрыми приятелями, обсудившими не одну интересную тему за кружкой пива или чашкой кофе на Уолд-стрит; Джонсон искренне называл своего друга «лучшим человеком из всех, кого он знал, превосходящим в мудрости, добродетели и благочестии даже святых» [3, р. 62–63]. Существует даже мнение, что Джонсон помогал в написании изданных в 1764 г. мемуаров Джорджа Псалманаазара, привнеся в них свой оригинальный авторский стиль.

«Географическое и историческое описание острова Формозы» издано в 1704 г. В посвящении, адресованном лондонскому епископу Генри Комптону, автор заявлял, что его цель заключается в том, чтобы опровергнуть «многочисленные выдумки, распространяемые лживыми иезуитами, и рассеять туман фальшивых иллюзий относительно его страны» [7, р. XXVIII]. При этом он имел даже дерзость указать на ошибки своих предшественников, писавших о государствах Дальнего Востока, в том числе Б. Варениуса и Г. Кандидуса*****, на чьи труды он в основном опирался, создавая собственный «шедевр». Мимоходом Джордж делал оговорку о том, что «он не претендует на то,

чтобы дать исчерпывающе полную историю родного острова, так как прошло шесть лет с тех пор, как он девятнадцатилетним юношей покинул его, и потому некоторые детали просто могли ускользнуть из его памяти» [7, р. XXXIV].

Творение Псалманаазара состояло из двух частей, первая из которых называлась «Путешествия и обращение» и содержала историю жизни автора, щедро сдобренную рассуждениями о христианстве (вот где пригодились уроки, полученные в иезуитском колледже!). По уверениям Джорджа, его – коренного жителя Формозы, похитили иезуиты, после чего привезли в Авиньон и, угрожая пытками, заставляли отречься от языческих верований и перейти в лоно католической церкви. Потерпев неудачу, иезуиты отправили его в Рим в надежде на то, что великолепие храма Святого Петра и торжественные обряды окажут на него более существенное воздействие, чем угроза физической расправы, но эта мера произвела обратный эффект. «После моего возвращения в Авиньон, иезуиты встретили меня очень ласково и поинтересовались, понравились ли мне увиденные в Риме церемонии. Я ответил утвердительно и спросил, зачем им нужно так много обрядов. Они ответили, что это необходимо для возбуждения религиозного чувства в человеческих душах. Я промолчал, а про себя подумал, что наши языческие песнопения, ритуальные танцы и жертвоприношения, в конечном счете, преследуют точно такую же цель» [7, р. 287–288]. Характерно то, что католическую религию Джордж критиковал не как язычник, а как убежденный протестант, банально воспроизводя перечень недостатков, традиционно приписываемых римской церкви. Это и чрезмерно величественная обрядность, и снисходительное отношение католических священников к «прелюбодеяниям и содомии», и, конечно, беззастенчивая эксплуатация людской веры в религиозные чудеса. Представляя себя восторженным неопитом, Джордж рассыпался в дифирамбах протестантизму, причем в отличие от большинства его современников, не делавших различия между кентерберийскими и римскими епископатами, отдавал пред-

почтение англиканскому варианту, простота и рациональность которого якобы пробудили в нем искреннее желание обратиться к христианской религии.

Вторая часть книги содержала в ряде аспектов тщательное и максимальное детализированное описание государственного, религиозного и социального устройства жизни на острове. Остров Формоза находился под властью императора Японии, передавшего ее исполнительную функцию вице-королю, который дважды в год отчитывался перед императором о состоянии дел во вверенной ему территории. Именно вице-король нес ответственность за соблюдение кодекса фундаментальных законов, основанных на древнем и естественном праве и не подлежавших изменениям. Эти законы носили ярко выраженный авторитарный характер: так один из них гласил, что воля императора священна и никто не имеет право нарушать ее. Фигура императора почиталась священной, более того «ему поклонялись как живому божеству» [7, р. 191]. Но, «установившаяся» в Формозе абсолютную монархию, Псалманаазар отдал дань и популярным в то время либерально-демократическим идеям: так, согласно третьему из пяти законов, вице-король не имел права «ущемлять права своих поданных и своей деятельностью обязан был обеспечивать неприкосновенность их жизни, состояния и репутации» [7, р. 145]. По заверениям Псалманаазара, обитатели Формозы наслаждались легализированной свободой совести, которая распространялась на представителей всех конфессий, кроме христиан, особо упорствующих из которых сжигали заживо. Вообще пенитенциарная система на острове отличалась крайней жестокостью, если не варварством. Убийц там подвешивали заживо и расстреливали из стрел, за лжесвидетельство – отрезали язык, человека, поднявшего руку на священника, закапывали заживо, а за государственную измену были предусмотрены жесточайшие пытки и публичная казнь.

Значительно более подробно, чем систему государственного устройства, Псалманаазар описывал религиозный культ Формозы. Изначально жители острова поклонялись небесным светилам – Солнцу, Луне и звездам, пока девятьсот лет назад двум философам, ведущим

отшельническую жизнь, не явился истинный Бог, «создатель и повелитель всего сущего: луны, солнца, звезд, морей и суши» [7, р. 152]. И далее в описании Джорджа становление нового культа поразительно напоминает события, знакомые даже поверхностно знающему Ветхий Завет человеку. Бог повелел пророкам передать людям его волю в следующих выражениях: «Пойдите и скажите им, что вы узрели истинного Бога, и что если они будут чтить имя мое, я буду их защитником и стану являться им в храмах, в которых они будут возносить хвалу моему совершенству» [7, р. 152]. Однако по ходу повествования беззастенчиво скомпилированный Псалманаазаром библейский сюжет получал неожиданное продолжение. Новоявленный Бог потребовал не только воздвигнуть ему храм, но и возложить на алтарь 20 тысяч сердец мальчиков, не достигших возраста 9 лет. Подобное кровавое жертвоприношение, даже по меркам язычников, требовало у людей вполне естественную реакцию: они объявили пророков мошенниками и самозванцами и с позором прогнали их. Божья кара последовала немедленно: раздались раскаты грома, небо затянулось тучами, и разразившийся сильнейший град уничтожил все посева. Вскоре к стихийным бедствиям добавились землетрясение, чума и нашествие диких зверей, безбоязненно входивших в людские дома и заживо поедавших хозяев. Жителям острова хватило 36 часов, чтобы смириться и подчиниться грозному Богу, который в качестве компенсации за непослушание потребовал помимо детей принести ему в жертву в возведенном храме еще сто овец, сто коз и сто быков.

Возведенный храм Бога Формозы в архитектурном отношении сочетал в себе элементы языческого капища, католического собора, пирамиды южноамериканских индейцев и мусульманской мечети, отражая таким образом эклектичность описываемого автором религиозного культа Формозы, который, по сути, был фантастической смесью монотеизма и язычества. Наряду с Богом, творцом и господином всего сущего, за людьми осталось право поклоняться Солнцу, Луне и десяти звездам, «которых он назначил своими наместниками». Жители Формозы верили в переселение душ, соблюдали религиозные посты, ана-

логичные мусульманскому Рамадану, когда принимать пищу разрешалось только после заката Солнца, а церемония крещения детей проходила не в купели с водой, а в пламени жертвенного огня. Символом же самого Бога был золотой телец, чья голова украшала храмовые купола и алтари, а сам Бог получал телесное воплощение, являясь на ежегодных религиозных празднествах в образах различных животных в зависимости от расположения духа. Так, если он предстал в образе льва, то люди готовились к худшему, если в образе ягненка – то облегченно вздыхали, а узрев белоснежного слона, замирали в преддверии великих событий.

За соблюдением установленных Богом законов и религиозного церемониала следили специально обученные священники, главным из которых был Верховный Жрец, именуемый «*Главным Жертвоприносителем*». В его обязанности входило отбирать для ежегодного жертвоприношения детей, которым он собственноручно перерезал горло и вырывал сердца. Верховный Жрец также руководил многочисленным штатом младших священников, которые, как не преминул заметить автор, «не ныли и не жаловались, как католические монахи, на необходимость соблюдать целибат, вести аскетический образ жизни и слепо подчиняться вышестоящим наставникам» [7, р. 168].

Так же подробно, как сферу религиозной жизни, Псалманаазар описывал быт и традиции обитателей Формозы. Он отмечал, что «их нравы абсолютно не испорчены, потому как они живут под страхом сурового наказания» [7, р. 190]. Мужчинам запрещено заговаривать с замужними женщинами, даже простая беседа приравнивается к супружеской измене, за которую законом предусматривается штраф или публичная порка, а повторное нарушение карается смертью. Описываемый семейный уклад жителей Формозы выдержан в мусульманских традициях. В связи с тем, что мужчин меньше, чем женщин, в стране практикуется многоженство. Девушек выдают замуж, начиная с 10 лет, чтобы избежать распространенного среди представительниц слабого пола недуга меланхолии, а мужчине разрешено взять столь-

ко жен, сколько позволяет толщина его кошелька. Старшая жена в наименьшей степени, чем все остальные, подчиняется мужу: она распоряжается домом, занимается хозяйственными делами, а в случае смерти мужа, наследует его функции главы семьи.

Детей на Формозе начинали обучать грамоте с 3 лет и к 5 годам они умели читать и писать. С 5 до 8 лет они под руководством священников постигали принципы религии и морали, а с 8 лет их отправляли в школы. Псалманаазар особо подчеркивал, что на Формозе не допускают никакого физического насилия в образовательном процессе, а наиболее эффективной мерой воспитательного воздействия считают пример и убеждение.

В политическом и экономическом ракурсе Формозы в описании Джорджа Псалманаазара предстала классической абсолютной монархией с жестко социально разделенным обществом и с экономикой, функционирующей на феодальных принципах хозяйствования. В застывшем, почти кастовом обществе Формозы каждый занимал раз и навсегда отведенное ему место: даже форма одежды регламентировалась в зависимости от положения на социальной лестнице и была прописана вплоть до того, сколько надевать туник и на какое плечо перекидывать шарф. Устройство экономики острова практически не описано Псалманаазаром. Он лишь мимоходом упомянул, что доход вице-короля складывается из прибыли от серебряных и медных рудников, коих на Формозе огромное множество, а также налогов (1/5 от дохода), которым обложены все лица, не работающие в государственном аппарате – купцы, землевладельцы и крестьяне, а также из таможенных пошлин на импортируемые и экспортируемые товары. Любопытно, что одним из наиболее презируемых занятий на Формозе, по уверению автора, была коммерция, так как среди местного населения бытовало простодушное мнение, что «чем богаче человек, тем больше ему приходится прибегать к обману и лжи» [7, р. 258]. Так же вскользь коснулся Джордж актуальной в начале XVIII в. проблемы пауперизации населения, заметив, что на Формозе она успешно разрешена. Для этого в каждом администра-

тивном округе были организованы дома для содержания бедняков. В их функционировании сочетались прагматизм и милосердие: трудоспособных бедняков заставляли заниматься общественно-полезной деятельностью, а немощных и увечных – кормили и одевали за счет государственных средств.

«Географическое и историческое описание Формозы» произвело огромный резонанс, «буквально затерявшись под обрушившимися подобно снежной лавине памфлетами за и против Псалманаазара» [4, р. 79]. Одна часть читателей принимала фантазии Джорджа за чистую правду, но многие воспринимали их со здоровой долей скептицизма. Так, в марте 1711 г. в журнале «Зритель» была напечатана заметка следующего содержания: «Первого апреля в театре на Гэй-маркет состоится премьера оперы “Жестокость Атрея”. Н. В. Сцена, где Фиест поедает своих детей, будет разыграна мистером Псалманаазаром. Еда будет подана к пятичасовому чаю» [1, р. 95]. Несколькими годами позже Джонатан Свифт иронически обращался к своему другу с Формозы, который преуспел в поедании невинных младенцев. Яркий эпизод с жертвоприношениями вызывал у читателей снисходительную улыбку, хотя описанные автором кровавые ритуалы практиковались в странах Латинской Америки. Так, в популярной «Географии» Джона Огилви сообщалось, что в мексиканском городе Чолулу ежегодно приносилось в жертву около шести тысяч детей [6, р. 248].

Парадоксально, но читатели не обращали внимания на гораздо более существенные недостоверности, допущенные Псалманаазаром. Так, Джордж утверждал, что Формоза находится под властью японского императора, хотя в описываемое время остров принадлежал Китаю, а к Японии отошел только в 1895 г. К тому же, даже при поверхностном прочтении «Описания Формозы», становилось понятно, что подобное общество не может существовать, так как является плодом богатого воображения автора, помноженного на его познания в различных областях знания – теологии, философии, лингвистики. Эклектичность, а иногда и сочетание взаимоисключающих черт пронизывали все сферы жизни

обитателей злополучного острова. Они жили под эгидой могущественного абсолютного монарха, который при этом свято соблюдал неприкосновенность их жизни, имущества и чести. История восхождения жителей Формозы к единому Богу была скопирована с Ветхого Завета, но была трансформирована таким образом, что библейский сюжет о призвании пророка Моисея терял первоначальный монотеистический смысл, так как он сосуществовал с самыми примитивными, одиозными и жестокими формами проявления язычества. Сам же описываемый религиозный культ поражает сочетанием элементов практически всех существующих на тот момент религий. Так, в частности, среди жителей острова практиковались преимущественно мусульманские обычаи, а говорили они на языке, одновременно напоминающем греческий и латынь. И, уже полностью отрываясь от действительности, Псалманаазар дополняет описываемое им общество, в котором царят простота и непорочность нравов, уважительное отношение к законам и стабильность общественной жизни, чертами райского сада. Деревья там плодоносят дважды в год, из их стволов течет нектар, который при смешивании с сахаром превращается в божественный напиток, а мясо птиц и животных иногда употребляется в пищу в сыром виде.

Так чем же на самом деле являлось «Описание Формозы»? Было ли это «чистой воды мошенничеством, грандиозным обманом», как впоследствии признавался сам Псалманаазар в своих мемуарах? Или, быть может, автор, сам того не желая, сконструировал утопическое пространство, наполнив его содержанием, соответствующим его видению общественного идеала?

Анализ сюжета «Острова Формоза» в совокупности с учетом особенностей происхождения, воспитания и событий молодых лет жизни автора позволяет сделать однозначные выводы. В соответствии со сложившейся в настоящее время концепцией, произведение Псалманаазара нельзя отнести к социальным утопиям в первую очередь потому, что в нем нет ни одного из характерных для таких утопий содержательных элементов – критики существующего строя, презентации совер-

шенного общества и представления о способах перехода к новому общественному порядку [10, р. 7]. Более того, идеал Псалманаазара принадлежал средневековому прошлому, поэтому он и не высказал ни одной оригинальной философско-политической или экономической идеи, предпочитая описывать второстепенную атрибутику – религиозные и светские празднества, одежду, быт и досуг жителей острова. Более того, недоучка из иезуитского колледжа, бродяга, несостоявшийся коммерсант и талантливый мистификатор объективно не мог написать такое утопическое произведение. Джордж Псалманаазар просто не обладал совокупностью личностных качеств, присущих авторам, творившим в утопическом жанре, – Томасу Морю, Френсису Бэкону, Джеймсу Гаррингтону, Генри Невиллю, Джозефу Гленвиллю – это и актив-

ное участие в общественно-политической жизни страны, и фундаментальная образованность, и высокое или хотя бы среднее социальное происхождение, и наличие целостной мировоззренческой позиции, и определенность политических пристрастий. У Псалманаазара объективно не могла сформироваться законченная позитивная социальная позиция, которую он попытался бы популяризировать, используя возможности утопического жанра и приключенческо-авантюрного сюжета. Во время написания «Острова Формозы» Джордж Псалманаазар находился под влиянием характерных для континентальной Европы конца XVII – начала XVIII в. пережитков средневековья, что и определило историческое место его произведения не среди социальных утопий, а в ряду самых талантливых мистификаций XVIII столетия.

ПРИМЕЧАНИЯ

* Формоза – современный остров Тайвань.

** Экс-Ла-Шапель – современный немецкий город Аахен.

*** Варениус Бернхардус (1622–1651) – нидерландский географ, впервые выделивший общую и региональную географию. Основные труды: «Всеобщая география» (1650), «Описание королевства Японии» (1649).

**** Боуэн Арчибальд (1686–1766) – английский историк и географ.

***** Джонсон Самуэль (1709–1784) – английский писатель, поэт, драматург, литературный критик. Самое известное произведение – «Предисловия или жизнеописания английских поэтов» (1777–1781).

***** Кандидус Георг – голландский миссионер, автор географического очерка «Описание острова Формоза».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Adams Percy G.* Travelers and travel liars 1660–1800. New-York, 1980. 292 p.
2. *Bacon F.* Of travel // Francis Bacon: A critical Edition of the Major works/ ed. Brian Vickers, Oxford, 2002. 864 p.
3. *Boswell's Life of Samuel Johnson.* L., 2008. 1024 p.
4. *Bracey Robert.* Eighteenth century studies. Oxford, 1925. 142 p.
5. *Maycock A. L.* The amazing story of George Psalmanasar // Blackwoods. 1934. CCXXXV.
6. *Ogilby John.* America. L., 1671. 626 p.
7. *Psamanaazar G.* The historical and geographical description of Formosa. L., 1926. 288 p.
8. *The political works of James Harrington* // ed. by J. G. A. Pocock. Cambridge, 1977. 850 p.
9. *Utopias of British Enlightenment* // ed. by G. Clayes. Cambridge, 2003. 349 p.
10. *Павлова Т. А.* Народная утопия в Англии XVII века. М., 1998. 212 с.

SPISOK LITERATURY

1. *Adams Percy G.* Travelers and travel liars 1660–1800. New-York, 1980. 292 p.
2. *Bacon F.* Of travel // Francis Bacon: A critical Edition of the Major works / ed. Brian Vickers, Oxford, 2002. 864 p.

3. Boswell's Life of Samuel Johnson. L., 2008. 1024 p.
4. *Bracey R.* Eighteenth century studies. Oxford, 1925. 142 p.
5. *Maycock A. L.* The amazing story of George Psalmanasar // Blackwoods. 1934. CCXXXV.
6. *Ogilby J.* America. L., 1671. 626 p.
7. *Psamanaazar G.* The historical and geographical description of Formosa. L., 1926. 288 p.
8. The political works of James Harrington / ed. by J. G. A. Pocock. Cambridge, 1977. 850 p.
9. Utopias of British Enlightenment / ed. by G. Clayes. Cambridge, 2003. 349 p.
10. *Pavlova T. A.* Narodnaya utopiya v Anglii XVII veka. M., 1998. 212 s.